

Дмитрий Юрьев

РЕЖИМ ПУТИНА

Дмитрий Юрьев

Режим Путина.

Постдемократия

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165972

Режим Путина. Постдемократия: Европа; Москва; 2005

ISBN 5-902048-23-0

Аннотация

Со сталинских времен в ткань русского языка вплелось негативное отношение к слову «режим». Режимы были только «у них» и только диктаторские: Франко, Салазара, Чанкайши, Пиночета... Лишь профессиональный язык механиков сохранил натуральный исходный смысл: режим работы двигателя – нормальный. Эта книга о мечте Президента нормализовать работу государственной машины, о стремлении к этому и о множестве барьеров на пути к решению этой задачи. Одни барьеры застарелые, другие порождены отчасти предвидимыми, но все равно внезапными обстоятельствами: от Беслана и казуса Ходорковского до навыков бюрократий, партий и движений, бизнеса и, наконец, всякого российского человека, которому надлежит стать гражданином.

Содержание

Предисловие	4
От автора	9
ДО И ПОСЛЕ БЕСЛАНА	12
КРЕМЛЕВСКИЙ СЛЕД	16
ИХ ПРАВДА – В СИЛЕ	22
МЮНХЕНСКИЙ СИНДРОМ	30
РОЖДЕНИЕ НАЦИИ	36
ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА ВЛАСТИ	43
ИГРА В «СРЕДНИЕ КЛАССЫ»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Юрьев Режим Путина. Постдемократия

Предисловие

Книга Дмитрия Юрьева ставит перед читателями сложнейшие проблемы, связанные с необходимостью посмотреть на постоянно трансформирующуюся систему власти в нашей стране. В ее, во-первых, эволюции за последние пятнадцать лет и, во-вторых, в ее актуальности. Предпринимается попытка представить и обсудить самый масштабный, самый серьезный вызов, который стоит перед всеми нами, перед страной и, может быть, даже перед человечеством – если считать Россию его существенной частью.

Сумеет ли Россия ответить на этот драматический вызов? И есть ли для этого необходимые ресурсы и рычаги? Перед вами – книга чрезвычайной трезвости в анализе всех составляющих социального развития страны. Нелицеприятная, жесткая в формулировках, дающая диагноз практически всем силам, определяющим социальные процессы последнего времени, эта книга ставит те самые вопросы, которыми задается сегодня не только каждый аналитик, гума-

нитарий, философ, политехнолог или член политического класса, но и самый обычный человек, способный задуматься о собственной жизни и настоящем моменте.

Мне не очень нравится слово «режим» в названии – поскольку оно, особенно в советской традиции, отягощено рядом негативных смыслов (а это важно – нам потребовалось почти пятнадцать лет, чтобы вычерпать негатив, отягощающий такое понятие, как, например, «бизнес»). «Режимом» называли противоестественную, неправильную власть, то, что не укладывалось в представления о «власти миллионов». «Системный проект Путина» – так бы я определил то, о чем пишет Дмитрий Юрьев. Рассматривается и закономерность появления этого проекта, и его гигантские заслуги, и бесконечные драмы, связанные с его имплантированием в социокультурные матрицы протофеодальной российской реальности.

Мне показалась очень важной тема, которая обсуждается на протяжении всей книги – тема потенциального выхода на объяснение смуты, тема «опричной природы» наших властно-общественных отношений. «Несостоятельность элиты, распад интеллигенции снова ставят страну на грань смуты» – эта короткая формулировка связывает перспективу смуты с огромным количеством источников формирования различного рода социальной, идеологической и – шире – мировоззренческой «туфты» (это – тоже формулировка из книги) и видится мне существенной, потому что я тоже считаю, что

«туфта» – это особая форма столь привычного и столь опасного для России вечного воровства.

Есть еще один тезис, который я не встречал ранее и который поначалу может показаться критическим, даже обличительным по отношению к «системе Путина» – точный и по-юрьевски образный тезис об «узурпации ответственности»: «над страной нависает призрак солипсизма», институт главы государства не имеет собеседника, кроме самого себя. Эта, казалось бы, объективная и наглядная ситуация, которую весь интеллектуальный класс России фиксирует на протяжении нескольких последних лет, в книге Юрьева возникает и формулируется как трагическая. Это кажется мне не менее актуальным, чем другой тезис – о том, что «проблема преемника», в которую на ближайшие два-три года втягивается весь истеблишмент России, – проблема если не ложная, то, по крайней мере, второстепенная по сравнению с ответом на важнейшие вызовы, связанные с формированием новой социально-политической реальности в России. То, что в ближайшие месяцы и годы все будут жевать как проблему номер один, по Юрьеву – абсолютно вторично. Проблема преемника может обсуждаться лишь постольку, поскольку само общество – в том числе с помощью Путина – окажется способным найти ответ на вызов новой социально-политической и социально-культурной реальности, на новые мировые контексты. Имеет значение лишь то, сумеет ли Путин как лидер «системного проекта» осознать то, что в книге на-

зывается «балансом интересов», и выстроить систему своих действий именно как проект.

Какие-то моменты Юрьев только констатирует. Это, прежде всего, отсутствие на горизонте политических фигур, сомасштабных таким ее разным демиургам, как Ельцин и Путин. Сегодня ни в окружении президента, ни в какой-либо субкультурной среде (интеллектуальных, художественных, экономических «кланов»), не видно лидеров, обладающих тем колоссальным ресурсом воли и ясновидения, который, как об этом говорил де Голль, необходимо иметь для того, чтобы из самой постановки вопросов и просветленного их понимания возникал проектный и деятельный ресурс изменения нашей национальной истории.

В меньшей мере – может быть, это и правильно – описан в книге вариант, альтернативный «прорывному». Путь, который автор образно назвал «фатальным выкидышем». Это – та самая ситуация, когда при отсутствии в стране «партии национального прогресса» активизируются те силы ксенофобского, радикально-националистического характера, которые абсолютно четко, однозначно и – в потенциале – катастрофично противостоят главному стремлению Путина: раскрыть систему, открыть страну, продолжая предоставлять ей максимальные возможности.

Проблема «третьего срока Путина» – и это одна из основных идей книги – не в преемственности власти, а в постоянном выборе. Может быть, речь идет об очередном «кванто-

вом скачке» в российской истории, об уже привычной развилке, на которой мы чуть ли не каждые десять лет осуществляем такой выбор. И книга Дмитрия Юрьева показывает, что, несмотря на достижения путинского «режима» – используем этот термин автора, – несмотря на его ограничения, на долгий путь обуздания «олигархов» (который в книге рассматривается очень подробно), несмотря на все накопления роста, которые сегодня есть в стране, нужный стране результат этого главного выбора все-таки возможен. Хотя очень и очень проблематичен. Я имею в виду выбор, который сделает страну действительно современной и впишет ее в тот цивилизационный контекст развития человечества, из которого пути назад уже не будет.

Даниил Дондурей,

главный редактор журнала «Искусство кино»

От автора

Режим Владимира Путина – каков он есть на исходе первой половины второго срока правления второго президента России – подводит черту под очередным этапом российских трансформаций. Этот режим – реальное, живое социально-политическое образование. Он не имеет отношения ни к официозным пропагандистским клише, ни к оппозиционным страшилкам, у него – свое историческое наполнение.

Парадокс восприятия путинского режима сегодня в том, что, как это часто бывает в России, общественное мнение живет сегодняшним днем, мгновенно забывая о вчерашнем и с ужасом вглядываясь в завтрашний. И поэтому достаточно очевидные и значимые результаты первой путинской пятилетки – выход из тотального кризиса власти, реабилитация российского национального суверенитета, существенное снижение уровня прямой угрозы конфедералистского распада и социального хаоса, в общем, сохранение России для будущего, – меркнут перед охватывающей массы тревогой в преддверии этого будущего.

Между тем, режим Путина – это не только живая, но и достаточно сложная реальность. Она складывается из разных факторов – объективных и субъективных; она уже прошла через несколько этапов: от «комитета кремлевского спасения», в отчаянии сплотившегося в коридорах Старой пло-

щади летом 1999 года, через «центр стратегических разработок» и всевозможные проекты либеральной модернизации 2000–2002 годов к «сентябрьской политической системе» 2004 года, которая кардинально меняет структуру имотивационной деятельности власти в России после Беслана, украинской «революции» и «монетизации льгот».

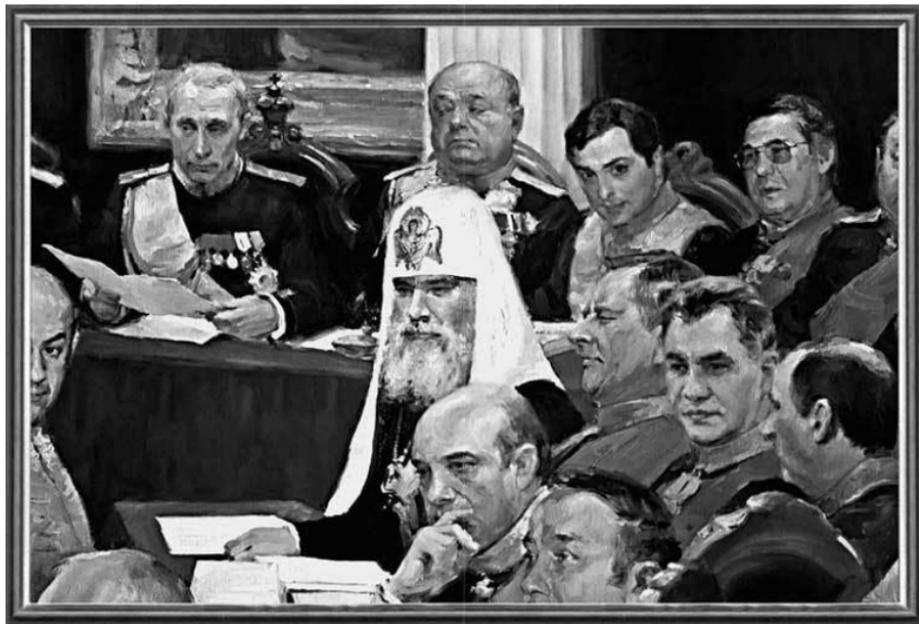
И вовсе не столь важно, каковы личные устремления ключевых фигур режима – в том числе самого Путина. Не столь важно и то, пойдет ли Владимир Путин на третий срок и если не пойдет, то будет ли он воспроизводить операцию «преемник». Важно другое – даст ли путинская постдемократия шанс на преемство жизни России. И в этом смысле итоги правления Путина по состоянию на сегодняшний день – это далеко не подведенная черта. Будущее начинается сегодня, хотя и вырастает из «вчера».

Предлагаемая вашему вниманию книга – попытка системного взгляда на реальность режима Владимира Путина в его историческом, психологическом и социальном единстве.

Эта книга сложилась из нескольких частей. Одни тексты – новые, написанные специально для книги в течение последнего года, другие стали результатом переработки статей, опубликованных в 2000–2005 годах в журналах «Эксперт», «Деловые люди», в «Русском журнале» и в газете «Известия» как за моей подписью, так и в соавторстве. Я искренне признателен Александру Асмолову (важные идеи из совместной публикации в «Эксперте» за апрель 2000 года использованы

в четвертой главе этой книги) и Наталье Савёловой (фрагменты совместных публикаций в «Эксперте», «Деловых людях» и «Новом мире» за 2000 год использованы при подготовке II–V глав). Я благодарен Модесту Колерову – соавтору идеи этой книги, а также Максиму Мейеру и Кириллу Танаеву за содержательные обсуждения.

Дмитрий Юрьев

ДО И ПОСЛЕ БЕСЛАНА

Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными. Почему?

Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы. Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией. Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы. Кроме того, наша страна – с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей – в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока.

...В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом.

Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых бьют.

...Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз. Но самое главное – это

мобилизация нации перед общей опасностью.

Владимир Путин

Обращение к народу (4 сентября 2004 г.)

Кремлевский след террористических атак. – Медийные задачи террора. – Непримеченный слон (забытая история генерала Дудаева). – Атавистический реванш. – Мюнхенский синдром против логики Нюрнберга. – Террористический вызов и рождение нации.

То время в истории России, которое будут связывать с именем Владимира Путина, не сводимо к трагедии Беслана – равно как оно не сводимо ни к трагедии «Норд-Оста», ни к триумфальной поддержке президента на выборах 2004 года, ни к последним месяцам ельцинского президентства, удивительным месяцам неуклонной трансформации общественного мнения от раздраженного отчаяния к охватившей всех и сразу надежде на неминуемое и скорое лучшее будущее.

Однако начать придется с Беслана. Просто потому, что именно в тех трех черных сентябрьских днях в 2004 году сконцентрировалась острейшая государственная недостаточность России – недостаточность, вызвавшая к жизни общественные ожидания, которые стали основой для прихода Владимира Путина к власти в 1999–2000 годах, недостаточность, как никогда остро осознанная и провозглашенная президентом в его телеобращении 4 сентября 2004 года.

Общественное сознание, оглушенное и взорванное бесланской трагедией, было в те дни не готово услышать пре-

зидента. В какой-то степени не услышало оно его и по сегодняшний день. Слишком несоизмеримыми представляются российскому обществу ужасы массового детоубийства – и проблемы недееспособности государственного механизма.

Возможно, президент Путин нашел не лучшую форму для своего заявления. Он довольно часто – особенно в последнее время – бывает не очень точен в выборе слов и интонаций. Но очевидно и другое – по существу он в те дни говорил действительно о самом важном. О колоссальном кризисе государственного строительства. О нарастающей угрозе национальной несостоятельности России как социально-политического организма. О том, что под удар поставлена надежда, охватившая многих в те сентябрьские дни 1999 года, когда он, новый глава правительства России, в первый раз высказался публично, резко и от первого лица – по мнению многих, неудачно и грубовато, по мнению большинства, в самую точку: потому что общество не могло больше выносить отдельного от государства, незащищенного существования, не могло и не хотело оставаться беззащитным перед лицом террористов, воплотивших в своей звериной силе всю безнадежность государственного бессилия.

Шрам Беслана – как прежде шрамы «Норд-Оста», Каховки и Буденновска – останется надолго, возможно, навсегда. Продолжатся расследования – удачные и не очень, честные и лживые, профессиональные и имитационные. Продолжатся мучительные воспоминания одних и циничная пиаров-

ская эксплуатация этих воспоминаний другими. Тем очевиднее становится, что спустя год (и годы) тема Беслана, равно как и тема «Норд-Оста», и в целом тема террора, – останется самой болевой точкой российской государственности, точкой, под углом зрения с которой рассыпаются политические теории и административно-бюрократические планы, пиаровские и силовые спецоперации. Потому что с этой точки зрения особенно очевидным становится реальный смысл российских трансформаций, не сводимый ни к политическим реформам, ни к идеологическим спорам. Смысл, заключающийся в решении самого жесткого вопроса о будущем страны и проживающих в ней людей.

КРЕМЛЕВСКИЙ СЛЕД

Забытый сегодня герой вчерашних дней Тельман Хоренович Гдлян¹ в свое время любил отвечать на вопросы о прославившем его «узбекском деле» словами: «Это не узбекское дело. Это московское, кремлевское дело!» Слова Гдльяна, как это ни прискорбно, в полной мере относятся к Беслану – равно как и к «Норд-Осту», и ко всем минувшим и будущим террористическим атакам на Россию.

Речь здесь вовсе не идет о пустых банальностях вроде «террористов, которые не имеют национальности и религии» (еще как имеют). Речь не идет и о конспирологических домыслах. Речь идет о совершенно конкретном сюжете, о достаточно простых, лежащих на поверхности вещах: о специфике террора, о его легко прогнозируемых результатах и об общеполитическом контексте, в котором все происходит.

---

¹ Тельман Гдлян – следователь по особо важным делам Генпрокуратуры СССР – стал, вместе со своим коллегой Николаем Ивановым, одним из живых символов «перестройки». В конце 80-х гг. группа под руководством Гдльяна вела громкие уголовные дела против высших номенклатурных чиновников Узбекистана (т. н. «узбекское дело») – по некоторым сведениям, вела в грубой, подлинно советской, манере. В 1988–1989 гг. Гдлян и Иванов стали на время проходными пешками в кремлевской (внутри Политбюро) политической борьбе, были избраны народными депутатами СССР и РСФСР, но в ферзи таки не вышли. В 1989 г. главным слоганом Гдльяна было утверждение: «Это не узбекское, это московское, кремлевское дело» (далее делались намеки на некоторых руководителей ЦК КПСС).

Во-первых, стилистика и специфика терактов. Выбор объектов для захвата – выбор очень точный, очень символический и очень технически грамотный. Беслан – дети, собравшиеся вместе в радостный и торжественный день. «Норд-Ост» – действительно «первый русский мюзикл», оптимистичный, гармоничный проект, можно сказать, первый прорыв к новому, постпереходному национальному самосознанию. Осквернение и унижение этого проекта – равно как и растаптывание детского праздника – удар едва ли не более разрушительный для национального духа (применительно к России), чем удар по нью-йоркским «близнецам». Но для того, чтобы все это понять и просчитать, нужно смотреть исключительно из Москвы.

Прежние чеченские террористические спецоперации были начисто лишены такой содержательной и технической изощренности – вторгнуться в пределы России и захватить побольше заложников (Буденновск и Кизляр), пойти на захват сопредельных территорий (Дагестан), затерроризировать мирных жителей (Москва, Каспийск и Волгодонск) – вот типичные стратегии, рожденные в основном на Кавказе или на Арабском Востоке. «Норд-Ост» и Беслан стали терактами прежде всего медийными, ориентированными на решение главной PR-задачи – задачи разрушения национальной души.

Конечно, целью атак в Москве и Беслане были вовсе не проект «Норд-Ост» и не захваченные дети. И даже не

действующая российская власть. Совершенно очевидно, что за минувшие после Буденновска и Первомайского годы военная мощь России, оперативные возможности спецслужб вряд ли возросли. Изменилось другое – появилось определенное общественное спокойствие, базирующееся на кредите доверия к президенту. Теракты в Беслане и в Театральном центре на Дубровке, то, как они были спланированы и как реализованы, с очевидностью имели единственной целью демонстрацию бессилия власти и лично президента – вне зависимости от того, какой вариант действий они выберут. Положение изначально и целенаправленно выстраивалось как безвыходное – именно для того, чтобы власть (в лице Путина) в принципе не смогла никуда деваться.

Вспомним Буденновск. Там у банды Басаева была четкая и ясная цель, лежащая в рамках военных действий в Чечне.² Захват заложников в Буденновске позволил добиться решения поставленной задачи – в течение нескольких дней. Наступление российских войск было остановлено, время для перегруппировки получено, переговорный процесс российской власти навязан. И – попутно – нанесен еще один удар по общественному доверию к государству и армии.

В случаях с Бесланом и «Норд-Остом» все было совершенно не так. Уже к концу 2002 года в Чечне не происходило ничего, что нужно (и возможно) было бы остановить еди-

---

² Боевикам нужно было остановить активную наступательную операцию Российской армии, близившуюся к завершению, и втянуть власть в переговоры.

номоментно. Боевики рассредоточены и неподконтрольны. Российские спецслужбы существуют стационарно и время от времени вступают с боевиками в эпизодические столкновения. Вывод войск – предположим, что он бы действительно начался – не просто многомесячный процесс, но процесс, не имеющий «стартовой точки» (вроде остановки боевых действий летом 1995 года). Да и поведение террористов в обоих случаях вовсе не было похоже на вполне прагматичную в своей людоедской сути логику поведения Басаева образца 1995 года: неопределенность, невнятность и постоянная смена содержания их требований заставили бы думать об отсутствии четко осознанной цели терактов – что никак не согласуется с их профессиональным, четким и хорошо просчитанным планированием. То есть цель, конечно, была. Но она была другая – и вовсе не вывод войск из Чечни.

Более того, сегодня легко понять, что при любом исходе терактов в Москве и Беслане о возможности какого-либо мирного урегулирования в Чечне, подразумевающего переговоры с представителями боевиков, не было бы и речи. Компромисс – через уступки и публичное унижение России – или трагедия с заложниками – и то и другое привело бы разве что к резкому росту античеченских настроений, к дальнейшей эскалации, к новой санкции со стороны общественного мнения на исключительно силовой вариант решения «чеченской проблемы», в конце концов – к усилению силового давления на чеченских террористов (что, в конеч-

ном счете, произошло).

Нет, с очевидностью – в обоих случаях – Путину устраивались обычные бандитские «вилы», и при любом исходе кризиса должна была быть подорвана основа того мандата, который в конце 1999 года выдало президенту российское общество.

Вот почему мы говорим о «кремлевском», а не чеченском следе – потому что цели, задачи и последствия террористических атак вполне ясны, но расположены исключительно в «кремлевском поле» и нацелены исключительно на внутри-российскую проблематику. А это может быть в единственном случае – если авторами «проекта» являются субъекты российской, центральной, кремлевского уровня политики.

Вот мы и дошли до общеполитического контекста, в котором развивается драма. А контекст этот состоит из самых разных вещей. В частности, из известного пророчества о том, что президенту Путину не пережить и половины его первого президентского срока.³ А также из новостной ленты, с которой начался день 23 октября 2002 года, закончившийся норд-остовским кошмаром⁴ (вот тут, в отличие от боевых действий в Чечне, действительно было что-то, что нужно пресечь и остановить немедленно – а то поздно будет! –

---

³ «Пророчество» принадлежит Борису Березовскому, который именно тогда стал «лондонским невозвращенцем».

⁴ Утром 23 октября 2002 г. появились сообщения о выдвижении очередных обвинений против Березовского и о возможном аресте принадлежащего ему в России имущества.

как чеченским боевикам в 1995 году).

Впрочем, ограничивать контекст «Норд-Оста» и Беслана темой исключительно Березовского не стоит (хотя очень удивит – в бесланском случае, с изготовленными заранее для переговоров Масхадовым в Чечне и Закаевым в Лондоне, – особенно). Вопрос в другом – единственный результат, который могли и должны были обеспечить любые варианты развития событий после Беслана и «Норд-Оста», – это политический переворот, это сокрушительный удар и по нынешней конфигурации власти, и по всей системе власти в целом, это атака, направленная на решение глобальных задач, задач, среди которых смена государственного руководства страны – далеко не единственная и даже не главная.

ИХ ПРАВДА – В СИЛЕ

После Беслана и «Норд-Оста» отступать стало не то чтобы некуда – а даже и незачем. Москва (и Россия) не позади, она – непосредственно под ударом.

Кстати, сразу же после «Норд-Оста» некоторые «комментаторы», включая бывшего министра культуры и госбезопасности «Чеченской Республики Ичкерия» Ахмеда Закаева (против которого политкорректная и демократичная судебная система Великобритании не имеет ни малейшего заслуживающего доверия судебного материала), принялись рассуждать о том, что за терактом в Москве не могли стоять Аслан Масхадов и его бандгруппа, потому что «не могли же они не понимать, что после такого их позиции только ослабнут и ухудшатся – и в России, и в мире».

Подобное утверждение можно было делать только в такой России и в таком мире, где массовое сознание вечером стирается, чтобы утром заполняться по чистому листу, каждый раз – с новой телекартинки. Потому что весь предшествующий опыт чеченского бандитизма свидетельствовал ровно об обратном. Вся история «чеченской войны» – это вовсе не история неуступчивости или экстремизма со стороны российской власти (вариант) или российской власти и ичкерийских сепаратистов (другой вариант). Это – история раскручивающейся спирали уступок (вариант – сдач, вариант – пре-

дательств) со стороны российской власти и нарастания давления (при одновременном усилении позиций) со стороны бандитов. С единственным (временным) выпадением из этой логики в конце 1999 года. Это – история добровольного (хотя и вынужденного) предоставления политической площадки для использования ее в качестве инструмента реализации глобальной диверсионно-криминальной программы, направленной на исключение России из правового и политического поля современной цивилизации вообще.

Традиционное чучело истории «чеченской войны» всем хорошо знакомо: самодур-Ельцин, не найдя (потому что самодур) времени для небольшого разговора с почти что советским генералом Дудаевым, предпочел, под давлением своих недалеких и непрофессиональных советников (Грачев, два десантных полка, далее везде...), начать войну. И пошла накрутка взаимных жестокостей, ненависти и вражды. А счастье было так возможно!

Реальная история выглядит немного по-другому. Начиная с 1990 года отказы от сотрудничества с российской властью раз за разом следовали за очередными демонстрациями слабости, уступчивости, готовности к переговорам.⁵ Всякая сла-

---

⁵ В течение 1990–1991 гг. в Чечено-Ингушской АССР набирал силу экстремистский «Объединенный комитет чеченского народа». В сентябре 1991 г. власть в Чечне по праву самозахвата узурпировал ОКЧН во главе с Дудаевым. В течение сентября – октября 1991 г. была сорвана попытка ввести в Чечне чрезвычайное положение (против Ельцина и инициатора указа – вице-президента Руцкого выступили Верховный Совет РСФСР и еще действовавший главнокоман-

бость или уступка России влекла за собой не просто ужесточение позиций – но остервенение Дудаева. Публичные заявления «советского генерала» ничем не отличались от более поздних филиппик Масхадова, Басаева, Удугова, Мовсара Бараева или бесланского «полковника»: откровенная демонстрация предельного презрения к федеральной власти, столь же демонстративное прощупывание этой власти «на слабо» (грубыми угрозами, расистскими выпадами в адрес России и русских, публичными беззакониями – вроде силового разгона умеренной оппозиции в Грозном или смертных казней с выставлением напоказ отрубленных голов на площадях аулов).

Как и возобновление боевых действий в 1999 году, ставшее последней попыткой удержать терроризм хотя бы в пределах Чечни, так и конец 1994 года всего лишь подводил черту под развитием событий в предыдущие два года – когда из месяца в месяц, раз за разом захватывались автобусы с заложниками в южных районах России – с последующим уходом снабженных деньгами бандитов на территорию Чечни; когда разворовывание поездов, нефти, поставленный на поток коммерческий киднеппинг, а также изгнание русского населения из дудаевской Чечни нарастали лавинообразно.

Позор Буденновска в 1995 году влечет за собой не только провал в Первомайском, но и изменение характера войны: преданные общественным мнением собственной страны

и не имеющие решительного руководства российские солдаты противостоят с этого момента обнаглевшим и почувствовавшим новый, федеральный масштаб своего разбоя собеседникам премьеры Черномырдина. Сдача Грозного в августе 1996 года и хасавюртовский сговор ведут не только к преступному оставлению без помощи и защиты со стороны российского государства законопослушных чеченцев и русских жителей Чечни – «легитимное руководство Ичкерии» раскручивает криминальный бизнес (в том числе такой, как нарко- и работорговля), устанавливает связи с международным террористическим конгломератом, а главное – формирует на территории Чечни и России криминально-террористическую инфраструктуру, включающую стационарные лагеря подготовки боевиков, налаженные каналы проникновения в пределы России арабских и талибских эмиссаров, поставок оружия и поступления финансовых средств. Свободная Ичкерия, практически не скрываясь, готовится к реализации «плана имама Шамиля» – захвату и исламизации Дагестана, всего Северного Кавказа. При этом бывшие участники рейда на Буденновск, палачи русских солдат и убийцы мирных жителей – «премьер-министр Ичкерии» Шамиль Басаев, министр безопасности Турпал-Али Атгериев и др. – преспокойно общаются с официальными лицами России, а некоторые (тот же Атгериев) даже посещают Москву – под официальные гарантии безопасности со стороны российских силовиков. Именно тогда – во времена свободной Ичкерии –

формируется московская (да и общероссийская) бизнес-составляющая кавказского террора, создается мировая сеть «представительств Ичкерии».

Банда Мовсара Бараева в 2002 году пошла на Москву не после активизации боевых действий осенью 1999 года, не после устранения Хаттаба или Бараева-старшего – а после очередного военно-политического релакса, охватившего часть российской элиты, после возобновления (на достаточно высоком уровне) разговоров о возможности «политического процесса» с участием «вооруженных диссидентов». Да и бесланская трагедия как-то очень эффектно «срезонировала» с нарастанием пиар-активности «ичкерийских» сайтов, а также с нарастанием внутрироссийской активности разговоров о необходимости «урегулирования конфликта политическими методами с привлечением единственного легитимного лидера сепаратистов».

Вся логика, а также этика и эстетика «чеченского конфликта», ярко выявившаяся в трагические дни Беслана и «Норд-Оста», всего лишь в предельно убедительной форме воспроизводят суть многих лет этого противостояния. А суть такова: жестокость и предательство оправдывают себя сами и заслуживают восхищения. Неспособность на жестокость, нерешительность в применении силы, а тем более готовность к переговорам – признак слабости. Слабость отвратительна, заслуживает презрения, возбуждает жестокость и побуждает к агрессии. Следовательно, практически лю-

бая культура, любая система ценностей, выходящая за пределы культа произвола и насилия и вынуждающая к поиску компромисса, к достижению согласия вне законов шакальской стаи, – враг, заслуживающий ненависти и уничтожения.

«Чеченский конфликт», как и «талибский конфликт», «конфликт с Бен Ладеном» и другие аналогичные «конфликты» – это не конфликты интересов, не конфликты сил, и даже не конфликты культур.

Это – негативная, отторгающая реакция на человеческую культуру как таковую. Это антикультура. Это отрицание самой возможности гуманитарных коммуникаций – то есть не то чтобы цивилизованных, но и любых, основанных на обычае, договоренности, суевериях и т. д. межлических и межгрупповых отношений.

Не место и не время пытаться понять, откуда и каким образом возникла раковая опухоль антикультуры в конце XX века. Возможно, это прямой результат главных достижений нашего «мультикультурального» мира – мира, в котором информационная открытость и отсутствие непроницаемых границ инициируют безадаптивное вовлечение остатков примитивных, докультурных типов общественной самоорганизации в современную информационно-коммуникационную среду. При этом разрушаются архаические типы структурирования и самосохранения этих «докультур» – и их атавистическая энергетика приобретает типичные канцерогенные черты.

Разрушение окружающей цивилизационной среды становится для этого «ракового интернационала» не средством достижения каких-либо целей (политических, экономических, идеологических) – но единственной и сверхценной целью. Наличие любой не основанной на насилии и произволе системы ценностей вызывает террористическую агрессию. И европейско-американские ценности с этой точки зрения – всего лишь первый объект (просто потому, что слишком пафосный и всюду лезет со своими торчащими на весь мир «близнецами»). Столь же враждебны для атаквистического сообщества и китайская, и индийская, и традиционная исламская культуры.

Вообще, ислам – вовсе не стержень всемирного онкологического процесса. Совершенно не случайно, что такие вполне исламские – по культуре – и националистические по идеологии режимы, как египетский, турецкий, алжирский, стали одной из главных мишеней для «интернационала» в последнее время. Столь же логичным станет и расширение «атаквистического фронта» за счет привлечения неисламских союзников – европейских, американских, русских, китайских и японских маньяков всех мастей и вероисповеданий. И американские конспирологи, поспешившие записать «вашингтонского снайпера»⁶ в ряды «Аль-Каиды», были вовсе не так

---

⁶ «Вашингтонский снайпер» – убийца, вернее, двое убийц, совершивших серию жестоких и бессмысленных покушений на рядовых американских горожан (выстрелы из снайперской винтовки производились с большого расстояния по супермаркетам и другим местам скопления людей) в конце 2002 г. Схваченные

далеки от истины. Равно как на самом глубоком уровне был прав и президент Путин, упорно связывающий теракты в Беслане и Москве с террористической атакой на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Это действительно звенья одной цепи, только цепи куда более фундаментальной и сущностной, чем примитивная цепь заговора.

убийцы оказались «хулиганами» («новыми мусульманами» родом с Ямайки), не связанными с «Аль-Каидой».

МЮНХЕНСКИЙ СИНДРОМ

И вот здесь мы не можем пройти мимо второго, самого неприятного, урока Беслана и «Норд-Оста». Урока, свидетельствующего об опаснейшей утрате человечеством инстинкта самосохранения, о синдроме заложничества, который, по исторической аналогии, правильнее было бы назвать не стокгольмским, а мюнхенским.

Современная «мультикультура» построена на принципах толерантности и плюрализма, фетишизирует (и в результате губит) свое главное достижение – гибкость, готовность к переговорам и компромиссам. Абсолютизация принципа «договорного урегулирования» всех конфликтов – последствие привыкания человечества к новому стандарту существования и соответственно отвыкания от жизни в угрожающем, диком, неблагоприятном мире.

XX век стал веком первого глобального испытания человечества на прочность. У испытания было два имени – коммунизм и нацизм. Оба испытания человечество выдержало с горем пополам: в обоих случаях предтечи сегодняшнего атавистического реванша сумели, на определенном этапе, навязать окружающим игру в «умиротворение агрессора» (мюнхенский стговор) или в «мирное сосуществование разных общественных систем» (дух Женевы). Почти в открытую провозглашая при этом цели мирового господства, цели победы

в мировой войне.

Тем не менее сегодня мы живем в эпоху Нюрнберга. Что такое Нюрнберг? Это паллиативное, несовершенное, но выстраданное человечеством понимание: для того, чтобы защитить человеческую культуру от нашествия новых варваров, необходимо понять, что варвары – против культуры потому, что они принципиально находятся вне ее. А значит, для борьбы с ними необходимо выходить за рамки культуры. Уметь действовать на чужой территории.

Логика Нюрнберга – это противоречащее всем нормам традиционного международного права юридическое (и физическое) уничтожение административно-политической верхушки побежденного в ходе войны террористического государства. Логика Нюрнберга – это превентивное интернирование немцев и японцев в демократической Америке, это жесткие преследования коллаборационистов в послевоенной Европе, это судебный процесс над 97-летним нобелевским лауреатом, крупнейшим норвежским писателем, всего лишь идейным коллаборационистом Кнутом Гамсуном. Логика Нюрнберга, между прочим, – это смертный приговор, вынесенный (и приведенный в исполнение) газетчику Юлиусу Штрайхеру приговор, приравнявший медийно-идеологическое сопровождение холокоста к военным преступлениям, к геноциду. Логика Нюрнберга – это положения многих европейских и мировых конституций и уголовных кодексов, допускающих смертную казнь в военное время. В общем, ло-

гика Нюрнберга – это логика самообороны человечества.

«Норд-Ост» и Беслан наглядно продемонстрировали, что сегодня мир и Россия охвачены мюнхенским синдромом: опаснейший дефицит инстинкта самосохранения обезоруживает нас перед прямой и явной угрозой, выбивает из рук дееспособный механизм самозащиты по нюрнбергскому варианту.

Тот факт, что в России кончились и послевоенное, и предвоенное времена и наступило время военное (причем наступило уже довольно давно), истерически вытесняется массовым сознанием. Психология политического класса пронизана духом коллаборационизма. В стране, потерявшей почти 30 миллионов жизней своих граждан на войне с нацизмом, не преследуется нацистская идеология. В государстве, вот уже десять лет ведущем войну с представителями международного террористического интернационала, идеология этого интернационала в ее погромном выражении открыто пропагандируется лауреатом премии «Национальный бестселлер» Александром Прохановым. И эту заслуживающую судьбы Штрайхера мерзость в открытую поддерживает еврей Борис Березовский. Честно говоря, данный ни от кого не скрываемый факт ничуть не менее поражает своей кощунственностью, чем гипотетические контакты русского Березовского с чеченскими террористами. На этом российском фоне провоцирующей бандитский беспредел безнаказанности нравственная тупость, зашоренность и роботизация за-

падного массового сознания поражают. Дания (где в 2002 году, вскоре после «Норд-Оста», собрались «сторонники независимой Ичкерии») сама по себе не так шокировала покровительством промасхадовскому сборищу, как тот факт, что представители передового отряда международных погромщиков собрались в Копенгагене за счет датской организации фонда «Холокост» (так, во всяком случае, утверждали официальные источники).

К сожалению, казус с подгнившим королевством – это не самое печальное свидетельство полной и окончательной утраты массовым сознанием европейско-американской цивилизации способностей к адекватному осознанию реальности. Минувшие десятилетия стали годами предельной ритуализации социально-политического поведения европейцев и американцев, годами сознательного (или неосознанного) отказа от любых интеллектуальных усилий, выходящих за рамки упрощенных идеологических мифов.

Развитие мирового информационного фона вокруг Беслана и «Норд-Оста» еще раз продемонстрировало патологическую каучуковую упругость западных лидеров общественного мнения: искреннее и понимающее сопереживание продержалось и в том и в другом случаях в большинстве европейских и американских СМИ не более двух суток.

В те черные дни мы не слышали (за одним исключением) почти ни от кого ни одного подлинно дружественного слова поддержки, хотя бы отдаленно сравнимого по накалу и мас-

штабу с теми словами, которые произнес президент Путин в первые же часы после трагедии 11 сентября 2001 года. Формальные вежливые расшаркивания, да и то – в большинстве случаев – оскверненные разглагольствованиями о «политическом урегулировании в Чечне», которые превращают слова поддержки в издевательскую демонстрацию покровительства басаевским бандитам. И это – не только Дания. Но и Франция, и Германия, и – казалось бы – союзные нам в этой ситуации Штаты.

Исключением стал Израиль. И это не случайно. В каком-то смысле параллельное разворачивание двух шахидских фронтов превратило Россию и Израиль в подлинные государства-изгои, подставленные и по большому счету преданные «иудео-христианской цивилизацией».

Ни одна из стран многочисленных «осей зла» не находится сегодня в состоянии такого политического и психологического одиночества, как Россия и Израиль. Социальная истерия, охватившая эгоистические и расслабленные цивилизованные страны, вытесняет из сознания и граждан, и политических элит понимание того страшного и дискомфортного обстоятельства, что мирное время кончилось в том числе и для них. Россия и Израиль много лет подряд ведут авангардные бои с силами атавистического террора, вызывая у глобалистского истеблишмента такое же раздражение, как оппозиционер Черчилль у Чемберлена и прочих британских мюнхенцев – до 1939 года.

«Странам-изгоям» навязывают гибельные для них политические переговоры с палачами и погромщиками. Против России и Израиля выстраивается своеобразный коллаборационистский интернационал – «в пандан» к террористическому. Впрочем, не стоит предъявлять к современным мюнхенцам слишком жестких претензий – обыватели имеют полное право держаться в стороне от фронта. Наша беда – и это еще один урок террористических атак, урок Беслана, – что именно через нас проходит передний край, фронт цивилизации в ее противостоянии варварству. Впрочем, в этом – не только наша беда.

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ

Потому что главный урок Беслана – это урок исторического оптимизма, это импульс к подлинному национальному прорыву – через ответ на беспредельно жестокий и наглый вызов, брошенный российскому обществу.

Захваты Беслана и «Норд-Оста», ставшие грандиозной политической провокацией против путинского режима, не достигли своей цели – сокрушения этого режима, разрушения базы общественного доверия. Более того, развитие событий вокруг «Норд-Оста» неожиданно выявило, что на исходе второго «путинского» года в России действительно начала складываться определенная структура национальной государственности, включающая механизмы консолидации элит, политической и гражданской солидарности. В общем, структура, способная – к сожалению, пока что худо-бедно – действовать в кризисных ситуациях как единое целое, не чуждое ни чаяниям, ни потребностям, ни интересам граждан страны. Что же касается последствий Беслана, то они нанесли куда большую травму общественному сознанию – в том числе и потому, что выявили сохраняющуюся недееспособность власти, ее неготовность в полной мере взять на себя ответственность за выживание граждан страны. Но Беслан выявил и другое – понимание, пусть вынужденное, которое нашло себе дорогу в решениях и заявлениях президента.

Понимание той глубинной связи, которая объединяет функциональную неэффективность системы власти и низкое качество политического класса и предьявляет их в качестве единственной причины незащитности и несостоятельности государства.

Случайно ли, по точному ли расчету вдохновителей атаки на театральный центр в Москве в 2002 году, но удар, нанесенный по «первому русскому мюзиклу», выявил колоссальный потенциал нового, национального по своей природе, российского патриотизма. Литературная основа «Норд-Оста», между прочим, представляет собой явление, совершенно уникальное для русской литературы XX века. Роман «Два капитана» – единственное в этом веке произведение, сочетающее оптимизм (причем столь важный для массового сознания оптимизм легкого жанра), искренность, патриотизм и «неидеологичность», непродажность. Серапионову брату Каверину удалось удивительным, химически чистым способом выделить из духа чудовищной эпохи некий действительно присутствовавший в нем экстракт искренних, добрых, «русских» умонастроений и чувств. Но в результате возник единственный в своем роде эмоционально-смысловой «мостик» из «России, которую мы потеряли» в Россию, которую мы пытаемся найти, причем мостик не через пустоту, а через живую советскую историю. Неудивительно, что тонкие и точные выразители наиболее оптимистичных, энергетичных «переходных» общественных настроений 80-90-х

годов Иващенко и Васильев столь резонансно «повелись» на этот текст и положили его в основу, возможно, не вполне совершенного, не очень ровного и не всем вкусам удовлетворяющего, но действительно национального, патриотического и позитивно ориентированного российского масскульта.

Так вот, сама природа захваченного бандитами объекта привела в движение очень своеобразные и давно уже не востребовавшиеся в российском обществе настроения, эмоции, ожидания, хорошо иллюстрируемые энергично-сентиментальным звукорядом «Норд-Оста». Настроения взаимной поддержки, сострадания, сопереживания, устремленные не в себя и не в прошлое, а наружу и в будущее. Трагедия показала, что плачут в России не только богатые (и нищие), но и нормальные, и что такие – нормальные – есть, и что их очень много.

Другое дело, что – в-третьих – эти «нормальные русские» вышли из «Норд-Оста» – а потом из Беслана – с очередной тяжелейшей нравственной травмой. Травмой, порожденной не только жестокостью ичкерийских палачей, не только масштабом смертей (не будем пока гадать, чья и какая вина в этих смертях). Но и новой, особенно шокирующей демонстрацией старой социальной неоднородности нашего общества.

Потому что в условиях неожиданно грамотного, неистеричного поведения некоторых политиков (даже депутатов!), в условиях, когда у страны появилось сразу несколько но-

вых героев (таких, как доктор Рошаль, например), особенно кургузо и оскорбительно предстали уродливые рецидивы типичного номенклатурного хамства, традиционного для нашей номенклатурной бюрократии убогого непрофессионализма, неспособности решать элементарные, очевидные задачи. Многочасовые оскорбительные очереди вокруг больниц, грубости из серии «вас много, а я одна», неспособность организовать работу с пострадавшими, дурная секретность и прочие родовые черты российско-советской бюрократии после «Норд-Оста» – и катастрофическая разбалансировка всех уровней управления кризисом в Беслане – как никогда очевидно выявили архаическую природу системы власти, ее несоответствие настроениям и возможностям страны.

Стало особенно ясным, что старая, феодально-бюрократическая, номенклатурная опричнина исчерпала свой ресурс вместе с ресурсом имперской бюрократической государственности. Эпоха «Третьего Рима» безвозвратно уходит в прошлое.

И на ее развалинах виден – хотя пока что и смутно – контур новой России. Скорее, не «Третьего Рима», собирающего и блюдущего все сопредельные народы, а «Нового Израиля», народа избранного, выполняющего особую высокую миссию.

Этот образ – всего лишь образ. Он не этноцентричен и не религиозен (новая российская нация – как и всякая подлинная нация – может быть только полиэтничной). Он про-

сто вырастает из той тоски по жизни в общей для всех ее граждан родной стране, которая так отчетливо прозвучала в общественных настроениях последних лет. По жизни, которая в последние годы (годы «путинского режима») – вопреки всему – вдруг показалась возможной.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА ВЛАСТИ

Город-морок, который теснится и располагается вокруг, как и все прочие города на матушке-Руси, стоит здесь ради двора, ради чиновников, ради купечества; однако то, что в них живет, это есть сверху – обретшая плоть литература, «интеллигенция» с ее вычитанными проблемами и конфликтами, а в глубине – оторванный от корней крестьянский народ со всей своей метафизической скорбью... Между этими двумя мирами не существовало никакого понимания, никакого прощенья.

Освальд Шпенглер. «Закат Европы»

На кого опирается Путин? – Средний класс в России: попытки рождения. – «Новые средние» как двигатель социальной реанимации. – Россия и Аргентина: миф о либеральных реформах. – Старый новый стиль российской модернизации. – Мифология стратегических разработок. – «Первое лицо» как единственный источник устойчивости режима.

За эти последние годы ничего особенного в России не произошло. Ничего радикального, ничего необратимого не сделал Путин ни в одной сфере общественно-политической жизни – ни в управлении армией и спецслужбами, ни в ин-

формационной политике, ни в формировании государственной идеологии. Но ощущение необратимости давит со всех сторон.

Пирамида власти выстроилась быстро. Более того, можно предположить, что план строительства пирамиды власти превосходит, единственно возможен, а команда, призванная для этого строительства, – команда оптимальная, квалифицированная и дружная. Одна беда: пирамида по самой своей структуре – такая фигура, что ей очень трудно и опасно стоять на голове. То есть на верхушке.

А именно такой перевернутой пирамидой власти и является режим президента Путина. Потому что в 2000 году раздраженное общество и оскандалившийся политический класс по-быстрому вернули президенту всю ту ответственность, которая хотя бы в какой-то мере принадлежала им в прежние годы. Потому что сегодня вожаемая стабильность России – это стабильность огромной пирамидальной глыбы, чудом балансирующей на голове одного-единственного человека. Потому что не может благополучие и устойчивость огромной державы на 100 % зависеть исключительно от способностей, настроений, взглядов и действий одного-единственного человека.

Может быть, Владимир Путин – самый лучший политик в мире. Но один человек не может быть основой государственности. Более того, один человек, на которого острием давит огромная пирамида власти с основанием, болтающим-

ся в воздухе – будь это Путин, будь это Юлий Цезарь или Шарль де Голль, – не имеет никакой иной перспективы, кроме как стать символом и вождем краха. Потому что пирамида, стоящая на вершущке, обречена на то, чтобы рухнуть, сметая все и всех на своем пути, – просто по законам физики. А власть, не распределенная в той или иной степени по всем этажам общества – сколь бы благонамеренным и мудрым ни был ее источник, – обречена на скорое превращение в самый жестокий тоталитаризм.

Вот почему сегодня, когда первый срок президентства Путина завершен, второй приближается к середине, а главной темой обсуждений стала тема «преемства», оказывается, что подготовка к главному еще не завершена. И мы до сих пор не знаем, может ли в России быть создано эффективное гражданское общество, переворачивающее «пирамиду власти» острием кверху, общество, в котором каждая социальная группа, каждый взрослый человек несет свою долю социальной и политической ответственности. Наверное, может. Но только в том случае, если найдется хотя бы несколько членов этого самого гражданского общества – людей, которые искренне и жестко предъявят свои права на свою долю свободы. И эти люди либо есть, либо их нет. Вот в чем суть проблемы «режима Путина».

ИГРА В «СРЕДНИЕ КЛАССЫ»

«Средний класс» в России пытался родиться трижды. В первый раз на эту роль – роль слоя, объединяющего экономически активное, социально солидарное, культурно и ценностно ориентированное население, – претендовало то самое «неноменклатурное большинство» страны, которое обеспечило почти 60-процентную поддержку Ельцину на выборах президента РСФСР и провалило путч ГКЧП. Этот «советский средний класс» объединял практически все образованное население страны: научно-техническую и творческую интеллигенцию, инженерно-технических работников, врачей, учителей, средних и младших офицеров вооруженных сил и правоохранительных органов, квалифицированных рабочих, а также представителей нижнего и среднего уровней партийно-хозяйственной номенклатуры – под знаменитым кавээновским лозунгом 1988 года: «Партия, дай порулить!»⁷

---

⁷ Имелся в виду популярный советский плакат «Партия – наш рулевой». Центральным политическим лозунгом массовых митингов 1988–1990 годов стало требование отмены «шестой статьи» – статьи Конституции СССР, в соответствии с которой коммунистическая партия провозглашалась «руководящей и направляющей силой общества, ядром его политической системы» (реально шестая статья была отменена III съездом народных депутатов СССР в начале 1990 года одновременно с введением поста президента СССР). Вместе с тем следует отметить, что первоначально призыв «Партия, дай порулить!» (автор – участник команды КВН Новосибирского университета Константин Наумочкин) восприни-

Активизация «советского среднего класса» в конце 80-х годов была социально-психологической реакцией на сложившуюся в СССР систему. Система исчерпала свой ресурс самосохранения, оказалась лишена обратных связей: с одной стороны, требования жизни (прежде всего экономическое и военное соревнование с Западом в условиях НТР) обусловили резкий рост квалификации, интеллектуального уровня и, следовательно, самосознания и амбиций «образованного большинства» советского общества, с другой стороны – все рычаги власти, управления, а главное, распределения оставались в бесконтрольном ведении партгосноменклатуры. Более того, даже на демонстрационно-пропагандистском уровне общественной организации (например, квоты на прием в КПСС или на выборы в Советы) сохранялась давно утратившая всякий смысл имитационная дискриминация «советских средних» в пользу якобы «правлящего» пролетариата.

Стремление к социальному реваншу, ставшее стержнем общенародного подъема в конце 80-х годов, было окрашено в эмоционально привлекательные тона, поскольку «номенклатура» представляла главной и единственной преградой на пути к тотальному улучшению качества и наполненности жизни.

Однако советский средний класс был именно советским

мался как ироничная, но вполне доброжелательная просьба, обращенная к единственному в стране субъекту, имеющему право и возможность «дать порулить».

средним классом. Несмотря на достаточно высокий культурный уровень, несмотря на активное и подробное общественное обсуждение перспектив перехода от «командно-административной системы» к «рыночному хозяйству», на уровне «коллективного бессознательного» советский средний класс сохранял атавистические, патерналистские представления о роли и месте государства как неограниченного источника власти и благ. Общественное движение конца 80-х годов только силой собственной инерции и политической логики превратилось в «демократическое движение» – довольно долго в массе своей это было в чистом виде движение социального реванша с достаточно примитивной мотивацией: нужно убрать «плохих» людей (то есть «их») и на их место поставить «хороших» (то есть «нас»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.